

5 книг

О «ПОЛИТИКЕ ПАМЯТИ»

Изучение памяти в социологическом ключе имеет довольно длительную историю, восходящую к работам классиков первой половины XX века. Однако за последние двадцать лет исследования, объединённые концептом памяти, переживают настоящий бум, обретая небывалую научную и политическую актуальность. Сегодня анализ «политики памяти» представляет собой целое направление в гуманитарных науках, касаясь вопросов формирования национальной идентичности, инструментализации прошлого, исторического мифотворчества, оправдания элитами своих действий через позитивные примеры или наоборот, трудное наследие. Политика памяти становится предметом междисциплинарного изучения историков, политологов и специалистов самих разных областей, и книги, рецензии на которые мне было предложено сделать*, являют собой яркое тому подтверждение.

1. Малинова О.Ю. Актуальное прошлое: Символическая политика властвующей элиты и дилеммы российской идентичности / О. Ю. Малинова. – М.: Политическая энциклопедия, 2015. – 207 с.

Книга Ольги Малиновой посвящена нетривиальному вопросу о том, как российская политическая элита, начиная с 90-х гг., использует ресурс прошлого в политике формирования общенациональной идентичности. Общим фоном исследования является сложный контекст ситуации российского нациестроительства в виду ряда субъективных и объективных факторов, таких как правопреемство России по отношению к СССР, трудности в разграничения советского и российского, а также русского и российского самоопределения в условиях советской институционализации этничности. Автор достаточно успешно систематизирует подходы властвующих элит в России к политическому использованию прошлого на примере властного дискурса, выраженного в выступлениях президентов, политиков, материалах СМИ и законодательства.

В самом начале работы поднимается вопрос об использовании адекватного понятийного аппарата для незагажированного исследования политики, осуществляемой в отношении прошлого. Автор фиксирует отсутствие единообразия и терминологического единства, по-

---

* Исследование выполнено при поддержке Российского научного фонда, грант № 15-18-00099

Мемориал памяти жертв Холокоста. Берлин, Германия

сколько исследователи, работающие над данной тематикой, пользуются довольно разными понятиями. Среди них: «историческая политика», «политика прошлого», «политика памяти», «история памяти», «политическое использование истории», «режимы памяти», «культура памяти», «игры памяти» [с. 17]. Можно сказать, что в настоящий момент исследователи данного проблемного поля объединены скорее своим объектом, который можно обозначить как «politics of memory» или «memory studies», чем общей методологической рамкой.

Сама Малинова отдает предпочтение термину «символическая политика», проецируемому из концепции «символической борьбы» П. Бурдьё, толкуя её как особенный аспект реальной полити-

ки. Текст книги состоит из трёх частей, и в первой из них рассматривается вопрос о пересмотре доставшегося в наследство от СССР символа Октябрьской революции, некогда являвшегося фундирующим мифом советской политической системы. Как через жесткую конфронтацию в период 90-х гг. между властью и левой оппозицией, происходит попытка вписать революционное событие в концепцию непрерывной российской истории.

Во второй части анализируется история использования символа Великой Отечественной войны в 1990-е и 2000-е годы. По мнению Малиновой, именно в этот период символ Победы становится ключевым элементом в официальной исторической политике России. Все лидеры постсоветского периода использо-

вали его символический и эмоциональный потенциал в своих интересах, и если в 90-е гг. общий пафос праздника можно было бы охарактеризовать фразой «победа над нацистской Германией, не благодаря, а вопреки политическому режиму», то в 2000-е гг. попытка критически рассмотреть период войны уходит на второй план, уступая место глорифицированному, гладкому и глянцево-символу Победы. Итогом этого смещения является заметная смысловая инфляция и десакрализация символа, обусловленная его инструментализацией со стороны самых разных политических сил.

Третья часть книги посвящена использованию прошлого в дискурсе президентов РФ 1991 – 2014 гг. В ней автор показывает, каким образом ельцинская концепция противопоставления тоталитарного прошлого демократическому будущему вытесняется желанием выстроить нарратив непрерывной тысячелетней истории страны. Частично эта линия наследуется Путиным и Медведевым, однако результаты контент-анализа посланий президентов говорят о том, что наибольшее число ссылок на исторические события приходится на советский период. Частота этих обращений свидетельствует о том, что они вызывают гораздо большую эмпатию у граждан, нежели события отдаленного прошлого.

Актуальным трендам российской символической политики Малинкова дает следующее определение: «...стремление части властвующей элиты свернуть начатые дискуссии о «трудных моментах» истории и авторитарно навязать апологетический нарратив национально-

го прошлого. Едва ли нужно говорить, что это крайне тревожная тенденция». В целом книга является важной ступенью понимания методов использования исторической памяти в политических целях и заставляет задаться вопросами об иных, более широких аспектах исторической политики.

2. Нора П. Теперішнє, нація, пам'ять / П'єр Нора ; пер. з франц. Андрій Репа. – К.: Кліо, 2014. – 272 с.

Книга Пьера Нора, украинский перевод которой вышел в 2014 г., состоит из тридцати двух различных по размеру и стилю статей, написанных в период с 1960-го по 2010-й годы. Они довольно сильно отличаются друг от друга по формату: это предисловия, журнальные статьи, ответы на критику, выступления на коллоквиумах и прочее. Но вместе с тем их совокупность блестяще структурирована и охватывает как эпистемологические и философские идеи автора, так и конкретно-исторические исследования структур коллективной памяти. Книга разделена на три части согласно трем словам в ее заглавии.

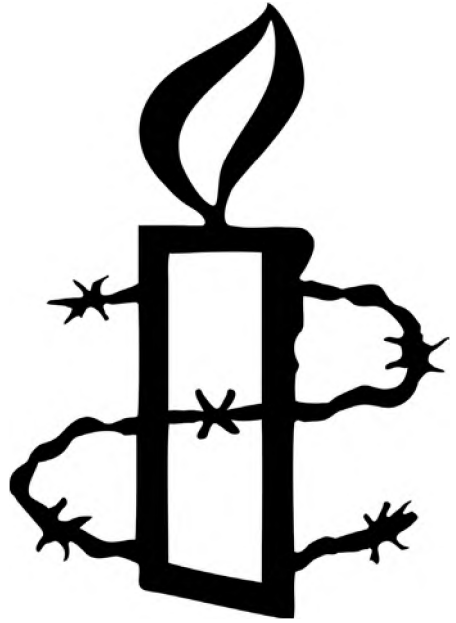
Первая статья, которая открывает книгу, – «Три полюса современного исторического сознания», представляющая собой блестящее резюме общей исторической рефлексии Пьера Нора. Объясняя выбор такого названия книги, автор очень точно обозначает неразрывную связь между соответствующими понятиями: «в режиме временной прерывности «настоящее» пробуждает «память», для которой «нация» является естественной политической рамкой, в которой ро-

дились, выросли, в которую поверили с ее языком и законами, испытаниями коллективной памяти» [с. 19]. Таким образом, разделив книгу, Нора определяет три вектора исследования современного исторического сознания.

Тематический диапазон статей данной книги является результатом работы, которая предшествовала, сопровождала и следовала за *opus magnum* П. Нора публикацией 7-томной серии «Места памяти», работа над которой продолжалась с 1984 по 1992 годы, где он выступил в качестве редактора. Целью серии, стало возвращение памяти под контроль историков в условиях, когда прошлое становится непредсказуемым и зависимым от политиков настоящего. Работа представляет наиболее полное и фундированное исследование, посвященное коммеморативным практикам, французским национальным символам, памятникам, конструированию истории в прошлом и настоящем, образам прошлого во французской национальной идентичности.

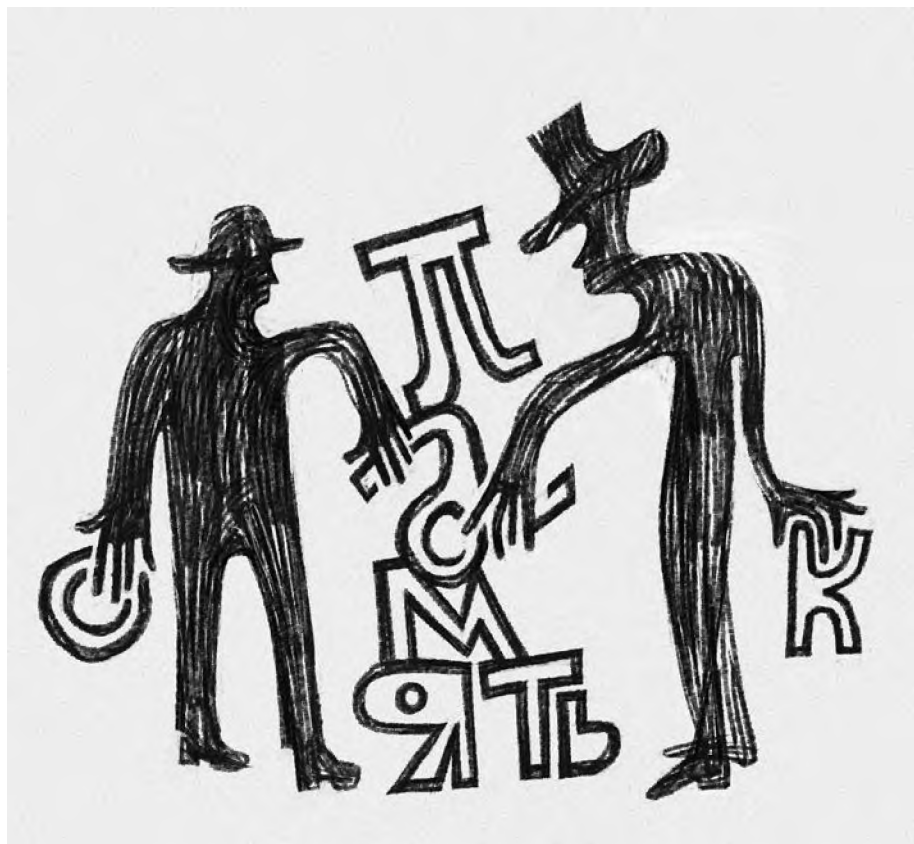
Как уже было сказано, тематика каждой из статей очень разная: от текстов, посвященных Лавиассу и феномену Виши, до заметок о конце *gallo-коммунизма* во Франции и появлении памяти в США. Автор говорит о том, что его задача – не просто суммировать теоретическую рефлексию по поводу истории как дисциплины, но представить отражение его работы историка, которое появились из его практики как историка.

В каждом из разделов автор показывает ретроспективу наиболее важных моментов, произошедших с исторической

дисциплиной в течение двадцатого века, особенно в связи с возникновением школы Анналов, и останавливается на 1970-х и 1980-х годах и появлении того, что он называет «волной памяти», которая охватила не только Францию, но и весь западный мир.

На мой взгляд, данная книга преследует несколько целей: во-первых, она служит в качестве основы для понимания «Мест памяти», во-вторых, обозначает и призывает к работе в новой области исследования. В третьих, Нора признает, что каждая из статей, которые составляют книгу, могла бы быть предметом дальнейшего развития и отдельных книг, написания которых по ряду причин не произошло. Но это и является третьей целью книги: подтолкнуть читателя к рабо-

те над тематикой памяти. Автор использует метафору строительной площадки, на которую он приглашает своих читателей, чтобы они включились в работу.

В конце книги находится текст «История во второй степени», опубликованный в журнале *Le Debate* в 2002 году и являющийся авторским ответом на критику философа П. Рикера. В статье Нора в очередной раз денонсирует текущее вторжение памяти в область истории, он «разочарованно» отмечает: «Несчастливая судьба постигла «Места памяти»: самым своим методом и даже

названием они должны были противопоставить историю коммеморации, но сами попали в плен коммеморативной логики». В конечном итоге ответ автора на решение проблемы тирании памяти схож с теми ответами, которые даются другими исследователями памяти: это необходимость рефлексии и понимания ситуации изнутри.

В целом книга вызывает желание заниматься самыми разными аспектами изучения памяти и присоединиться к работе на строительной площадке, обрисованной автором.

3. Ассман А. Новое недовольство мемориальной культурой / Алейда Ассман; пер. с нем. Б. Хлебникова. – М.: Новое литературное обозрение, 2016. – 232 с.

Алейда Ассман в своей новой книге затрагивает тематику проблем культуры памяти в современной Германии. Данная книга коррелирует с тем, о чем говорит П. Нора касательно диктатуры памяти: проблема культуры памяти в Германии заключается в том, что её оказалась слишком много.

Автор подробно и последовательно описывает разные аспекты современной немецкой мемориальной культуры. В частности, то, как Германия прошла путь через годы умолчания о катастрофах нацистского режима, на материале анализа семейной хроники, ситуации конфликта между поколениями немецких граждан конца 60-70-х, который нарушил это молчание о трудной истории XX века. Именно «поколение 68-го года» полностью трансформировало мемориальную культуру Германии, сделав её «чемпионом мира по памяти». В прошлом левое, контркультурное, протестное движение за пересмотр политики в отношении памяти о прошлом приобрело характер государственной доктрины, что повлекло за собой неожиданные последствия.

В чем, собственно, выражается новое недовольство мемориальной культурой, о котором говорит Ассман? Суть проблемы состоит в том, что темы преступлений нацистского режима, вины немецкого народа, памяти о жертвах нацизма, Холокоста стали объектом постоянного присутствия в СМИ, в ритуалах политиков, что с течением времени рутинизирует и

выхолащивает память об этих событиях. Более того, мемориальная культура стала превращаться в индустрию памяти о вине немецкого народа, смысловую индустрию Холокоста, который утвердился в ФРГ как негативный учредительный миф. В 90-е была создана разветвлённая символическая инфраструктура, поддерживающая и воспроизводящая травматическую память о жертвах нацистских репрессий. Тема Холокоста обрела новое измерение индустрии, что привело к политизации трагедии, конкуренции за привилегированный статус жертвы и за признание страданий.

Критики современной мемориальной политики говорят о назревшем перевесе негативной памяти и дефиците положительных ценностей в формировании немецкой идентичности, что само здание современной немецкой идентичности было выстроено на основаниях памяти о Холокосте. Таким образом, победа немецкой мемориальной культуры обернулась её поражением [с. 73].

Помимо этих тем, Ассман затрагивает такие важные и болезненные темы современной памяти, как интернационализация памяти, которая состоит в том, что Холокост стал учредительным мифом не только Германии, но и всей Западной Европы. Вместе с тем, Ассман фиксирует проблемы интернационализации культуры памяти, которые существуют в странах Восточной Европы. Основная проблема состоит в том, что страны Восточной Европы не готовы брать на себя ответственность за общеевропейский нарратив покаяния за преступления Холокоста. Автор фиксирует тенденцию политиков пред-

ставлять страны бывшего социалистического лагеря в роли жертв сталинизма и советской оккупации, игнорируя и замалчивая темы, связанные с Холокостом. Этот раскол в мемориальном сердце Европы до сих пор актуален и чреват взаимным вытеснением.

В завершении книги Ассман предлагает свое видение решения проблем мемориальной культуры Германии и предлагает свою программу дальнейших действий, которые должны позволить выйти из сложившегося кризиса. Решение проблем автор видит в том, чтобы вернуться к переосмысленным лозунгам 1968-го года.

Автор говорит о том, что мемориальная культура должна предполагать личную сопричастность каждого человека общему чувству вины за совершенные преступления, а также и сопереживание чужому страданию. Негативное бремя истории должно быть преобразовано в прогрессивные ценности, так как прогрессивные ценности были рождены из ужасных вещей во имя их недопущения в будущем. Именно память должна служить основной формой человеческого самосознания и ориентации во времени и пространстве, которой полагается осовременивать прошлое путем репрезентации памяти, а во главе угла должны стоять этические рамки памяти.

4. Эткинд А. Кривое горе: Память о непогребенных / Александр Эткинд; авториз. пер. с англ. В. Макарова. – М.: Новое литературное обозрение, 2016. – 328 с.

Данная книга и описываемые в ней события контрастируют с работами А. Ас-

сман и П. Нора и в целом с ситуацией, сложившейся в Европе по отношению к памяти. Если в Европе мы видим «форсированную индустриализацию» памяти, её неисчезающую тиранию, активное обсуждение проблем трудного прошлого, то Александр Эткинд обращается к проблеме нехватки памяти, умолчания и замалчивания истории о событиях сталинских репрессий.

Александр Эткинд как представитель психоаналитической традиции поднимает сложную, но чрезвычайно важную тему памяти о репрессиях и репрессированных в СССР. Автор уже подходил к анализу исторического материала в своих прошлых работах, посвященных проблемам пространства, развития и колониального дискурса. Однако в новой книге «Кривое горе: Память о непогребенных» он обращается к вопросам о бытовании культурных механизмов работы памяти и скорби по поводу событий 30-х годов. Исходя из психоаналитической трактовки концепта травмы и её переложения на национально-государственный масштаб, автор говорит о необходимости извлечения травмы из бесконечных циклических ревербаций прошлого. Эта необходимость обусловлена тем, что непреодоленная травма, не ставшая воспоминанием, грозит воспроизведением и нарушением национального равновесия и здоровья в форме повторения вытесненной травмы.

При этом автор выделяет два этапа в работе с памятью: первый – это этап «раскопок» посредством рефлексии и понимания причин случившегося; второй – этап театра, в период которого проис-

ходит представление общественности результатов раскопок. Без них невозможна работа горя, которая не позволит воспроизвестись травме, превратив её в воспоминания [с. 25-26].

Автор наглядно демонстрирует проблемную ситуацию, сложившуюся в СССР и унаследованную постсоветской Россией, суть которой состоит в том, что за 1990-2000-е гг. не было создано достаточных условий и действий, чтобы дать начало переработке трудного прошлого, связанного со сталинскими репрессиями. Из-за сложившегося положения с запретом на публичное обсуждение темы репрессий в СССР коммуникация об этом измерении прошлого искривилась, почему автор и предпочитает говорить об «искривленности» работы горя.

Вместе с тем, причиной сложности работы горя были особенности самих советских репрессий, отличавшихся от репрессий в нацистской Германии: в них стерлась грань между палачами и жертвами и советские репрессии уносили с собой своих исполнителей. В постсталинский период коммуникация, связанная с репрессиями, и сам дискурс трагедийности искажаются в попытке говорить дозволенными средствами о трагедии, которая оказалась под запретом обсуждения.

Эта искаженность и искривленность осталась, в том числе, в межпоколенческом измерении. Она породила кривизну в отношениях между поколением репрессированных и их наследниками. Эткинд предлагает схему работы памяти трех поколений: поколение отцов было подвергнуто травме сталинских репрессий;

поколение советских детей стремилось рационализировать то, что случилось с их отцами, и выполнить работу траура и горя; и только внуки постсоветского периода получили возможность культурно запечатлеть травму. Тот факт, что эта возможность в полной мере не реализуется, по мнению автора, является свидетельством искривления работы горя.

Автор анализирует культурные механизмы памяти и скорби, выстроив книгу вокруг анализа советский и постсоветской литературы, киноискусства, через которые он стремится увидеть высказанную эзоповым языком работу горя, культурное восприятие и репрезентацию сталинского террора.

Вместе с тем, в этой книге остается большое количество лакун и белых пятен, не затронутых автором. Заявляя темой работу горя в текстах и ритуалах, автор не рассматривает многие чрезвычайно значимые для анализа данные, сосредоточившись лишь на литературных текстах и кинопроизведениях, которые можно

было бы назвать «либеральными». Автор не анализирует «официальную» советскую литературу, произведения писателей-деревенщиков, таких как В. Распутин и В. Белов, для которых сталинские репрессии и раскулачивание вызвали свою особенную рецепцию и которые выработали собственный язык описания горя. Зияющие лакуны особенно видны в отсутствии дневников, мемуаров, писем репрессированных, анализа официальных и неофициальных СМИ. На мой взгляд, в данной книге показана работа горя группы советской и российской интеллигенции. В работе А. Эткинды безмолвствующее большинство репрессированных так и остается большинством, без имен и упоминаний, предпочтение отдается крупным культурным деятелям советской и постсоветской эпохи.

5. Касьянов Г., Миллер А. Россия – Украина: как пишется история. Диалоги – лекции – статьи. – М.: РГУ, 2011. – 311 с.

Данная книга не является новинкой на книжном рынке, но вместе с тем она, на мой взгляд, представляет собой честную попытку двух профессиональных ученых, историков поговорить о процессах политического использования прошлого элитами России и Украины, как во внутренней, так и во внешней политике, а также о месте историков в этих процессах. В, мягко говоря, сложной политической ситуации между Россией и Украиной история вновь превращается в материал для информационной войны между странами. Образы «чужого» активно формируются политическими элитами для со-

здания образа врага. В этой ситуации вопросы, которые обсуждаются в данной книге, остаются столь же актуальными, как и пять лет назад, особенно в связи с тем, что заявленная авторами цель – подвинуть профессиональные сообщества историков Украины и России к диалогу – по большому счету провалились. Анализ историографий и нарративов методологически позволяет увидеть устойчивые и изменяющиеся элементы рассказов о своем и чужом, о том, где проходит эта грань, и том, что иной – это необязательно чужой.

Структура книги включает в себя две основные части: в первой помещены статьи и публичные лекции Георгия Касьянова и Алексея Миллера, посвященные тематике национализации истории и исторической политики Украины и России, которые являются для читателя некоторой подготовительной частью ко второй части книги, представляющей из себя диалоги двух историков на темы историографии и национальных нарративов.

В первой части книги авторами поставлены вопросы критического переосмысления того, как рассказывается и пишется история. Г. Касьянов в своей статье «Национализация истории в Украине» и публичной лекции анализирует этапы и особенности процесса «национализации» истории в Украине начиная с конца 1980-х гг. и до периода президента В. Ющенко. В статье «Россия: власть и история», открывающей книгу, А. Миллер анализирует понятие исторической политики, методы её использования, а также – её бытования в РФ. Тема реализации исторической политики в странах

Восточной Европы раскрывается в двух других статьях этого автора.

Основным выводом данной половины книги является положение о том, что история все больше превращается в элемент внутренней и внешней политики: «идет война историй и репрезентаций собственных конкурирующих историй с обеих сторон» [с.112].

Вторая часть книги, которую можно считать основной, представляет собой наглядную реализацию того, к чему призывают исследователи памяти, – к критическому разговору на исторические темы между двумя профессиональными историками. Это шесть диалогов, в которых затрагиваются вопросы историографии и политического использования прошлого в Украине и России. Тематика вопросов охватывает период начиная с XVII века и периода Российской Империи и заканчивая такими сложными темами истории XX века, как события 1932-33-х гг. и Второй мировой войны.

Данная часть книги является попыткой выйти за рамки конвенциональных интерпретаций и представлений национальных историографий. Предложенный авторами формат рефлексивных академических диалогов позволяет лучше представить и понять мнение собеседника. Эти диалоги являются во многом попыткой подать пример того, как российские и украинские историки могут обсуждать непростые и спорные темы и при этом «не становиться – добровольно или вынужденно – бойцами политики исторических фронтов» [с.10].

На мой взгляд, ключевой вопрос этой книги родился из феномена войн памяти между Россией и Украиной периода Ющенко. Авторы, используя материал разных исторических периодов, говорят о проблеме того, что история превращается из академической дисциплины в поле битвы, где «профессиональные» историки двух стран говорят и действуют исходя из логики отстаивания принципов страны, а не принципов научной объективности. Авторы обсуждают вопрос о том, как историку оставаться ученым и профессионалом, и не превращаясь в рупор своей национальной версии истории.

С другой стороны, авторы ставят проблему политического вмешательства в научное пространство, вмешательства государственных и окологосударственных структур, которые неизбежно маргинализируют любые точки зрения на исторические события чуть более сложные, нежели официальная пропаганда. К сожалению, в нынешней политической ситуации пространство диалога между научными сообществами Украины и России сжалось гораздо сильнее, чем в 2009 г., когда готовилась эта книга, и поставленные авторами проблемы остались и даже преумножились, как в форме использования истории государственной пропагандой внутри страны, так и для оправдания своей внешней политики.

АРТЕМИЙ ПЛЕХАНОВ
Институт этнологии и антропологии РАН